

Классные классики

Аркадий Аверченко

Продувной мальчишка

Рождественский рассказ

В нижеследующем рассказе есть все элементы, из которых слагается обычный сентиментальный рождественский рассказ: есть маленький мальчик, есть его мама и есть елочка, но только рассказ-то получается совсем другого сорта... Сентиментальность в нем, как говорится, и не ночевала.

Это — рассказ серьезный, немного угрюмый и отчасти жестокий, как рождественский мороз на севере, как жестока сама жизнь.

* * *

Первый разговор о елке между Володькой и мамой возник дня за три до Рождества, и возник не преднамеренно, а, скорее, случайно, по дурацкому звуковому совпадению.

Намазывая за вечерним чаем кусок хлеба маслом, мама откусила кусочек и поморщилась.

— Масло-то, — проворчала она, — совсем ёлкое¹...

— А у меня елка будет? — осведомился Володька, с шумом схлебывая с ложки чай.

— Еще чего выдумал! Не будет у тебя елки. Не до жиру — быть бы живу. Сама без перчаток хожу.

— Ловко, — сказал Володька. — У других детей сколько угодно елков, а у меня, будто я и не человек.

— Попробуй сам устроить — тогда и увидишь.

— Ну и устрою. Большая важность. Еще почище твоей будет. Где мой картуз?

— Опять на улицу?! И что это за ребенок такой! Скоро совсем уличным мальчишкой сделаешься!.. Был бы жив отец, он бы тебе...

¹ Ёлкий — затхлый, прогорклый. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Но так и не узнал Володька, что бы сделал с ним отец: мать еще только добиралась до второй половины фразы, а он уже гигантскими прыжками спускался по лестнице, меняя на некоторых поворотах способ передвижения: съезжая на перилах верхом.

На улице Володька сразу принял важный, серьезный вид, как и полагалось владельцу многотысячного сокровища.

Дело в том, что в кармане Володьки лежал огромный бриллиант, найденный им вчера на улице, — большой сверкающий камень, величиной с лесной орех.

На этот бриллиант Володька возлагал очень большие надежды: не только елка, а пожалуй, и мать можно обеспечить.

«Интересно бы знать, сколько в нем карат?» — думал Володька, солидно натянув огромный картуз на самый носишко и прошмыгивая между ногами прохожих.

Вообще, нужно сказать, голова Володьки — самый прихотливый склад обрывков разных сведений, знаний, наблюдений, фраз и изречений.

В некоторых отношениях он грязно невежествен: например, откуда-то подцепил сведение, что бриллианты взвешиваются на караты, и в то же время совершенно не

знает, какой губернии их город, сколько будет, если умножить 32 на 18, и почему от электрической лампочки нельзя закурить папироски.

Практически же его мудрость вся целиком заключалась в трех поговорках, вставляемых им всюду, сообразно обстоятельствам: «Бедному жениться — ночь коротка», «Была не была — повидаться надо» и «Не до жиру — быть бы живу».

Последняя поговорка была, конечно, заимствована у матери, а первые две — черт его знает у кого.

Войдя в ювелирный магазин, Володька засунул руку в карман и спросил:

— Бриллианты покупаете?

— Ну, и покупаем, а что?

— Свесьте-ка, сколько каратов в этой штучке?

— Да это простое стекло, — усмехнувшись, сказал ювелир.

— Все вы так говорите, — солидно возразил Володя.

— Ну вот, поразговаривай тут еще. Проваливай! — Многокаратный бриллиант весьма непочтительно полетел на пол.

— Эх, — кряхтя нагнулся Володя за развенчанным камнем. — Бедному жениться —

ночь коротка. Сволочи! Будто не могли потерять настоящий бриллиант. Хи! Ловко, нечего сказать... Ну что ж... Не до жиру — быть бы живу. Пойду, наймусь в театр.

Эта мысль, надо признаться, была уже давно лелеяна Володькой. Слыхивал он кое от кого, что иногда в театрах для игры требуются мальчишки, но как приняться за эту штуку — он совершенно не знал.

Однако не в характере Володьки было раздумывать: дойдя до театра, он одну секунду запнулся о порог, потом смело шагнул вперед и для собственного оживления и бодрости прошептал себе под нос: «Ну, была не была — повидаться надо».

Подошел к человеку, отрывавшему билеты, и, задрав голову, спросил деловито:

— Вам мальчишки тут нужны, чтоб играть?

— Пошел, пошел. Не болтайся тут.

Подождав, пока билетер отвернулся, Володька протиснулся между входящей публикой и сразу очутился перед заветной дверью, за которой гремела музыка.

— Ваш билет, молодой человек, — оставила его билетерша.

— Слушайте, — сказал Володька, — тут у вас в театре сидит один господин с черной бородой. У него дома случилось несча-

стве — жена умерла. Меня прислали за ним. Позовите-ка его!

— Ну, стану я там твою черную бороду искать — иди сам и ищи!

Володька, заложив руки в карманы, победоносно вступил в театр и сейчас же, высмотрев свободную ложу, уселся в ней, устремив на сцену свой критический взор.

Сзади кто-то похлопал по плечу.

Оглянулся Володька: офицер с дамой.

— Эта ложа занята, — холодно заметил Володька.

— Кем?

— Мною. Рази не видите?

Дама рассмеялась, офицер направился было к капельдинеру, но дама остановила его:

— Пусть посидит с нами, хорошо? Он такой маленький и такой важный. Хочешь с нами сидеть?

— Сидите уж, — разрешил Володька. — Это что у вас? Программка? А ну, дайте...

Так сидели трое до конца первой серии.

— Уже конец? — грустно удивился Володька, когда занавес опустился. — Бедному жениться — ночь коротка. Эта программка вам уже не нужна?

— Не нужна. Можешь взять ее на память о такой приятной встрече.

Володька деловито осведомился:

— Почему платили?

— Пять рублей.

«Продам на вторую серию», — подумал Володька и, подцепив по пути из соседней ложи еще одну брошенную программку, бодро отправился с этим товаром к главному выходу.

Когда он вернулся домой, голодный, но довольный, у него в кармане вместо фальшивого бриллианта были две настоящие пятирублевки.

* * *

На другое утро Володька, зажав в кулак свой оборотный капитал, долго бродил по улицам, присматриваясь к деловой жизни города и прикидывая глазом — во что бы лучше вложить свои денежки.

А когда он стоял у огромного зеркального окна кафе, его осенило.

— Была не была — повидаться надо, — подстегнул он сам себя, нахально входя в кафе.

— Что тебе, мальчик? — спросила продавщица.

— Скажите, пожалуйста, тут не приходила дама с серым мехом и с золотой сумочкой?

— Нет, не было.

— Ага. Ну, значит, еще не пришла. Я подожду ее. — И уселся за столик.

«Главное, — подумал он, — втереться сюда. Попробуй-ка выгони потом: я такой рев подыму!..»

Он притаился в темном уголку и стал выжидать, шныряя черными глазенками во все стороны.

Через два столика от него старик дочитал газету, сложил ее и принялся за кофе.

— Господин, — шепнул Володька, подойдя к нему. — Сколько заплатили за газету?

— Пять рублей.

— Продайте за два. Все равно ведь прочитали.

— А зачем она тебе?

— Продам. Заработаю.

— О-о... Да ты, брат, деляга. Ну, на. Вот тебе трешница сдачи. Хочешь сдобного хлеба кусочек?

— Я не нищий, — с достоинством возразил Володька. — Только вот на елку зарабатую — и шабаш. Не до жиру — быть бы живу.

Через полчаса у Володьки было пять газетных листов, немного измятых, но вполне приличных на вид.

Дама с серым мехом и с золотой сумочкой так и не пришла. Есть некоторые основания думать, что существовала она только в разгоряченном Володькином воображении.

Прочитав с превеликим трудом совершенно ему непонятный заголовок: «Новая позиция Ллойд Джорджа»¹, Володька, как безумный, помчался по улице, размахивая своими газетами и вопя во всю мочь:

— Интересные новости! Новая позиция Ллойд Джорджа — цена пять рублей. Новая позиция за пять рублей!!!

А перед обедом, после ряда газетных операций, его можно было видеть идущим с маленькой коробочкой конфет и сосредоточенным выражением лица, еле видимого из-под огромной фуражки.

На скамейке сидел праздный господин, лениво покуривая папиросу.

— Господин, — подошел к нему Володька. — Можно вас что-то спросить?..

— Спрашивай, отроче. Валяй!

¹ Ллойд Джордж — премьер-министр Англии с 1916 по 1922 год.

— Если полфунта конфет — 27 штук — стоят 55 рублей, так сколько стоит штука?

— Точно, брат, трудно сказать, но около двух рублей штука. А что?

— Значит, по пяти рублей выгодно про-
давать? Ловко! Может, купите?

— Я куплю пару, с тем чтобы ты сам их и съел.

— Нет, не надо, я не нищий. Я только торгую... Да купите! Может, знакомому маль-
чику отдадите.

— Эх-ма, уговорил! Ну, давай на керен-
ку¹, что ли...

Володькина мать пришла со своей бело-
швейной работы поздно вечером...

На столе, за которым, положив голову на руки, сладко спал Володька, стояла кро-
хотная елочка, украшенная парой яблок, од-
ной свечечкой и тремя-четырьмя картонажа-
ми², — и все это имело прежалкий вид.

У основания елки были разложены по-
дарки: чтобы не было сомнения, что кому

¹ *Керенка, керенки* — так в народе называли бумажные деньги, имевшие хождение в России с 1917 по 1919 год (по фамилии министра А. Ф. Керенского).

² *Картонаж* — картонная коробочка для конфет или других сладостей.

предназначено, около цветных карандашей была положена бумажка с корявой надписью:

— «Дли Валоди».

А около пары теплых перчаток другая бумажка с еще более корявым предназначением:

— «Дли мами»...

Крепко спал продувной мальчишка, и неизвестно где, в каких сферах витала его хитрая купеческая душонка...

